

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕФИНИЦИИ «СУБСИДИАРНОСТЬ» В НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КАТОЛИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация

Принцип subsidiarности является базовым для правовой системы ЕС. В рамках данного материала прослеживается трансформация содержательных аспектов рассматриваемой категории в католической социальной доктрине (посредством изучения папских энциклик и их научной интерпретации). Предпринимается попытка определения степени влияния культурно-исторического контекста и политического положения Ватикана на изменения в философском подходе папства.

Ключевые слова: принцип subsidiarности, солидарность, социальная философия, католическая социальная доктрина, государство, иерархия институтов.

Автор

Серебряков Кирилл Дмитриевич

Студент кафедры политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

В наиболее обобщенном виде под subsidiarностью понимается такой правовой принцип, согласно которому принятие решений, управление возлагается на наиболее низкие из возможных уровней существующей государственной иерархии, реализуемый с целью увеличения эффективности работы государственного аппарата, предоставления максимальной самостоятельности низовым звеньям управленческих структур, улучшения взаимодействия государства с обществом. Т.е. кратко и в самом широком смысле — это есть наделение властью самого нижнего звена, входящего в систему иерархии институтов. Особенностью данного принципа является то, что, несмотря на достаточно большую историю существования в европейской политической и правовой системе,

он не вписан в систему устоявшихся категорий теории государства и права, а его интенсификация в теории государственного управления происходит лишь в последние десятилетия.

При этом свое концептуальное обоснование subsidiarность изначально получила в социальной доктрине католической церкви, причем как на этапе становления, так и, условно, в научно-философских изысканиях периода предыстории. Так, например, Л.А. Оноприенко утверждает, что еще в XIII в. Фома Аквинский рассматривал государство как живой организм (идея на тот момент для Европы была не нова, к ней несколько раньше обращался Иоанн Солсберийский в политико-философском труде «Поликратик»), подобных идей придерживался и современник мыслителя Винсент де Бовуа, называвший

политию «*corpus politicum mysticum*» [3. — С. 180]. И главная мысль выше обозначенных авторов заключается в том, что любое государство состоит из частей, каждая из которых выполняет свою функцию, причем сумма этих элементов не равна целому, точно так же, как отдельно от тела сердце или ноги действовать не могут. Другим важным моментом является сменяемость, обеспечивающая обновление состава организма, но при этом сохраняющая его неизменность, самость, не позволяющая запустить механизм разрушения структуры.

Эта мысль позволила заложить теоретический фундамент, развитие которого продолжится уже в XIX–XX вв., и сформировать важное положение в социальной доктрине католической церкви: субсидиарность есть инвариант иного принципа — солидарности, но с поправкой на сферу ее применения, ее толкования в контексте взаимозависимости и взаимообусловленности человека и общества со всеми вытекающими онтологическими и этическими последствиями.

Пожалуй, в дальнейшем следует проследить как дефиниция субсидиарности рассматривалась Ватиканом и какие трансформации в понимании данного принципа отмечались в выступлениях занимавшихся этой проблематикой римских понтификов (Львом XIII, Пием XI, Иоанном XXIII и Иоанном-Павлом II).

Важной заслугой папы Льва XIII стала его попытка доктринального обоснования невозможности подавления государством автономии небольших групп, необходимость которого особенно ярко выразилась в конце XIX в. в связи с приходом к классовому обществу и резкому ухудшению положения пролетариата.

В своей энциклике 1891 г. «*Regum Novarum*», в частности, выдвигались следующие тезисы: во-первых, помимо церкви государство как институт также должно нести свою долю ответ-

ственности за экономико-политическое состояние дел («...равная забота обо всех общественных классах есть первоочередная задача благородного правителя, реализуемая посредством воплощения в жизнь принципа *распределительной справедливости* [Прим. — К.С.]»), во-вторых, важна роль заданных рамок вмешательства самого государства («...справедливым можно считать такое положение, когда человек и семья обладают достаточной свободой действий в той мере и до тех пор, пока наличие такой свободы не будет вредить общему благу») [8]. Здесь довольно ярко представлена новая позиция церкви относительно классического вопроса о распределении компетенций между носителями «двух мечей».

Более того, субсидиарность, обозначенная как принцип распределительной справедливости, стала призывом, попыткой разрешения новых социальных конфликтов, что довольно интересно, ибо в современном понимании принцип субсидиарности больше относится к институциональной стороне, а заинтересованные в реализации подобного проекта акторы классифицируются по иным основаниям (этническим, функциональным, регионально-ориентированным и др.). Однако философские искания папы Льва XIII не нашли широкого отклика у католического населения и у правителей в целом.

Через сорок лет продолжателем «субсидиарной» традиции стал папа Пий XI, в 1931 г. выступивший с энцикликкой «*Quadragesimo Anno*». Перед анализом ее положений необходимо несколько слов сказать о том социально-политическом контексте, в котором пребывали Ватикан и весь мир к этому времени: это депрессивное состояние мировой экономики, переживающей глобальный кризис, возрастание роли диктаторских режимов, настроения реваншизма в Германии, приход к власти в Италии фашистов и т.д. Поэтому следует закономерным считать продолжение

педалирования вопросов соотношения государства и общества, но с расстановкой новых акцентов и отображением усиления позиций первого в официальном дискурсе Святого Престола, что дальше и будет прослежено.

Более того, энциклика Пия XI — прямое продолжение мыслей его предшественника, ибо понтифик считал, что развитие идей subsidiarности поможет улучшить положение рабочего класса и встроить достаточно революционные еще к концу XIX в. идеи Льва XIII в своевременный, актуализированный контекст, в развитие социальной доктрины.

Пий XI дал классическое для католической социально-правовой определение принципу subsidiarности: «...как невозможно у лица отобрать свободу действия в пределах его компетенций для достижения его же личных результатов, так равнозначно можно считать преступлением и нарушение социального баланса, отбирая у объединений низшего порядка полномочия, которые они могут исполнить самостоятельно, действуя из своих собственных средств, с тем, чтобы передать эти полномочия объединениям более высокого порядка» [9]. Здесь же рассматриваемый концепт называется еще «принципом социальной мудрости», но с той поправкой, что «любая общественная деятельность является subsidiarной» [9].

Папская энциклика концептуализирует обозначенный выше второй тезис Льва XIII, и здесь, по сути, выступает как поиск баланса между возможностью обеспечения автономии действия небольших союзов и заботой государства о своем населении с попыткой предотвращения узурпации власти, т.к. еще из античных учений нам известно, что основная цель государства (политии) — это обеспечение всеобщего блага, но в католической социально-доктринальной повестке это возможно во взаимодействии с принципом «распределительной справедливости». Экономика же является частной сферой, поэтому

категория «общего» не может быть к ней применима, равно как и притязания на государственное вмешательство, а если такое и наблюдается, то мы сталкиваемся с «узурпацией правомочий, которые естественно принадлежат людям и их союзам». Однако однозначности здесь Пий XI не наблюдает, отмечая, что «успешно больше не может исполняться то, что когда-то исполнялось ассоциациями, и это вызвано развитием социально-экономических отношений» [9]. Т.е. понтифик допускает возможность государственного вмешательства (это обуславливают особенности исторического процесса), но на координирующих основаниях и только в рамках объективной необходимости с четко обозначенным механизмом применения контрольных полномочий. Такое допущение было необходимо, чтобы обосновать необходимость наличия иерархии с правительством во главе, в рамках которой возможно формирование subsidiarного принципа, ибо между экономическими игроками и государством, по мнению Папы Римского, нет промежуточных и эффективно координирующих объединений.

Государство — это объединение высшего порядка, поэтому ни о какой вторичности мы говорить не можем, а подтверждение данного тезиса, по мнению Пия XI, кроется в subsidiarном характере его деятельности («Если публичная власть даст волю ассоциациям низкого порядка заниматься своими делами самостоятельно, то более свободно и эффективно она сможет исполнять свои и только свои исконные функции в виде управления, надзора и выбора стратегии развития в зависимости от нужд»; «...носители государственной власти лишней раз должны убедиться, что только строгое соблюдение принципа subsidiarности даст достаточный результат поуровневой организации государства, что только тогда будет усилен авторитет его в глазах общества...») [9]. Subsidiarность же есть единственный эффективный инстру-

мент в борьбе с соблазном чрезвычайного государственного вмешательства, ростом бюрократизма и централизма, это способ обеспечения выживания небольших объединений посредством адекватного распределения полномочий и организации достаточного механизма общественного контроля государственных органов.

В целом умозаключения понтифика были представлены как компромисс между капиталистическим и социалистическим мировоззрением с их недостатками в сфере регулирования и организации человеческих отношений, так как необходимо и хорошо организованное экономическое общество, и правильное функционирующее политическое, чего ни одна из парадигм добиться не могла.

Следующим крупным понтификом-мыслителем, продолжившим последовательно формировать социальную доктрину католической церкви в соответствии с субсидиарной логикой стал Иоанн XXIII. И здесь необходимо указать контекст (исторический, фактический, событийный), в котором проходил его понтификат: потрясение мира от итогов Второй мировой войны, попытки поддержания мирного сосуществования народов, обостряющаяся гонка вооружений и идей между СССР и США.

В 1961 г. папа Иоанн выступил с энцикликой *Mater et Magistra*, приуроченной к 70-летию и 30-летию двух разобранных выше документов. И здесь уже наблюдается своего рода игра смыслов, например, в отношении роли государства в функционировании общества: если Пий XI выступал с априорно дополняющей позиции, то Иоанн XXIII настаивает на его вспомогательной роли.

Наблюдается согласие с предыдущими мыслителями относительно места экономики и их процессов, а также организаций (ассоциаций и союзов), которое заключается в прерогативной роли здесь частного сектора и частных

лиц, но по причине сложности и неопределенности нынешнего времени, вслед за Пием XI провозглашается исходная из приоритета экономических связей новая роль государства — координирующая и стимулирующая, т.е. обеспечивающая благо граждан в свете новых тенденций. И здесь важны не сами факты четкого представления о наличии государственного вмешательства и перечня сфер, где это может происходить, а инструментарий (способы), с помощью которого данные факты и само вмешательство реализуются (здесь Иоанн XXIII выступает большим прагматиком, что, очевидно, связано с наличием достаточно обширной эмпирической информации, заданной логикой его времени и собственным жизненным опытом).

Называется и четкое обозначение цели, оправдывающей существование государства, определенно носящее социальные, а не трансцендентные или категориально-должные коннотации: «...[это] набор таких общественных условий, при которых у человека есть наиболее оптимальные возможности для реализации своих стратегий и процветания» [5]. Именно поддержание такой балансирующей доминанты есть задача государства, нарушение которой оправдывает стратегии вмешательства, причем, в больших объемах (понтифик называет государственное образование более сведущим в понимании состояния дел). И тут важна сквозная мысль, ярко выраженная в следующей фразе: «...общественная жизнь буквально в тисках из-за духа индивидуализма, та жизнь, что некогда процветала в гармонии многообразия социальных групп, ныне мы вынуждены констатировать следующее: лицом к лицу встали индивид и государство, вынужденное забрать себе исполнение тех функций, которые некогда принадлежали посреднику — социальным группам» [5].

Хотя пафос работы заключается в расширении применения принципа суб-

сидиарности (которое может быть дано государством и исходить от него), но в этом контексте нельзя не упомянуть и следующего мыслительного достижения Иоанна XXIII, выраженного в другой энциклике «*Pacem in terris*», вышедшей на два года позже — речь идет о концептуализации такой категории, как публичная власть общей компетенции. Мыслительным фундаментом для данной категории стало осознание папой Иоанном становления глобального международного сообщества, формирования принципиально новой стратегии взаимоотношений государств, который при таком конгруэнтном составе способны и должны решать уже не локальные национальные проблемы, а назревшие проблемы всеобъемлющего характера, решение которых и есть наиболее короткий путь к достижению общего блага.

Решает подобную задачу некоторая надгосударственная организация, реализующая непосредственно с национальными правительствами отношения, основанные на принципе subsidiarности [6; 7].

Последним на данный момент крупным понтификом-мыслителем, поднимавшим в контексте формирования социальной доктрины католической церкви принцип subsidiarности, был Иоанн Павел II, который к столетнему юбилею «*Regum Novarum*» выпустил свою энциклику — «*Centesimus Annus*». Тут сразу стоит отметить достаточно либеральные взгляды папы, который отошел от общей социал-демократической или социально преобладающей риторики своих предшественников. В работе делается четкий акцент на роли активной личности в ходе реализации изучаемого принципа. И реализуется это активное начало в человеческих объединениях (т.е. тут мы видим инструментальный подход к общности, что довольно интересно и необычно для римско-католического пула). Этим же заранее искореняется представление об индивидуе как пассивном объек-

те управления. Взаимодействие на свободных началах этих индивидов делает демократию, ценимую Папой Римским, возможной. Государство же значительно секуляризируется в его глазах, теряя определенные сакральные функции и априорное представление о знании эталонных ориентиров и единственно правильных способах их достижения, что, опять же, подтверждает идею выхода из официального ватиканского дискурса левых взглядов и отсылает к размышлениям по данному вопросу в аналогичный период времени Ч. Линдблома [1. — С. 279–293]. Такое образование рассматривается также инструментально в контексте возможностей — возможностей достижения общего блага [2].

Оба инструментальных понятия имеют четкое разграничение, что нашло отражение в работе. Это проявляется как косвенно (например, в репризе о безработице дается разграничение действий по решению проблемы со стороны каждого актора — общества и государства; основная цель первого заключается в формировании транспарентного процесса общественной самоорганизации, а государство тут должно изыскивать способы, для выхода данного процесса в материально-физическом воплощении [4]); также это проявляется и непосредственно, где Папа Римский ясно излагает свою мысль о превалирующей роли общественной модели над государственной: «...право на объединение представляет собой право естественное, и уже по этому основанию оно [общество. — Прим. К.С.] предшествует включению в объединение политическое» [4]. При этом мы видим в аргументации ссылку на энциклику Льва XIII, отмечавшего следующее: «Сохранение и охранение, но никак не нарушение естественных прав есть обязательство государства. Поэтому запрет союзов порождает замкнутую логику — противоречие принципу собственного существования» [8].

Поэтому построение общества активных личностей возможно только при применении принципа субсидиарности, определение которого у Иоанна Павла II исходит из мыслительной традиции Пия XI: «Присвоение функций сообщества более высокого порядка относительно сообщества более низкого порядка невозможно, равно как и вмешательство во внутреннюю жизнь данного сообщества; но для сохранения общего блага и единых целей должна от сообщества более высокого порядка исходить поддержка по нисходящей, если того требует ситуация и само сообщество более низкого порядка, то и координация его действия с другими частями общества» [4]. Т.е. по самим формулировкам видно, что понтифик признает наличие иерархии институтов власти, что является вполне обычным явлением при инструментальном мировоззренческом подходе, также из общей логики энциклики исходит, что государство возглавляет иерархию организаций, даже естественных (например, семья), но с правовой позиции именно естественные организации выше: здесь наблюдается довольно интересный прием противопоставления институционального и правового отношений, где верхняя позиция еще не означает главенства, для Иоанна Павла II важны фундаментальные основания, они условно и «выше», т.к. обеспечивают положение более высоко стоящих организаций, формирующих иерархию.

При этом государство в силу своего высокого иерархического положения субсидиарно по отношению к обществу, причем вне данного принципа оправдания существованию политического сообщества нет, но такое положение создает основание для риска — риска посягательства на иерархию в поисках более высоких позиций, реализуемых посредством диктования правил и условий, определяющих суть абсолютно каждого нижестоящего звена (при условии, что Папа Римский не разграничивает иерархии на искусственные

и естественные, реприманд достаточно обоснован) [2].

Несмотря на достаточный скепсис, проявленный папой Иоанном XXIII относительно перспектив существования посреднических (в терминологии понтифика — «промежуточных») структур, Иоанн Павел II признает последние и в *Centesimus Annus* уделяет им достаточно много внимания: «Любая социальная акция индивида проистекает в промежуточных объединениях в виде семьи, экономических, политических и иных социальных групп, существующих отдельно и самостоятельно от индивидов, которые их создали» [4], причем их работа позволяет нивелировать последствия «задыхающей» между государством и рынком» свободы развития, имеющейся у индивида [4], стоит вставить небольшую ремарку: при наличии инструментального подхода к организациям и первичности активной личности, мы видим явную субъективацию ряда организационных структур, что лишает в некотором роде смысла общую «пользовательскую» или «пассивную» платформу аргументации понтифика (инструментальность предполагает пассивность объекта, наделенного данным качеством).

Подводя итоги материалу, следует отметить, что основная формулировка, скелет принципа субсидиарности никогда не подвергались сомнению и не оспаривались ни одним из пап. Каждый из понтификов, обращаясь в своих энцикликах к мирянам и правителям, толковал этот принцип в соответствии с существовавшей на тот момент социально-политической и экономической ситуацией. Когда государство не заботилось о своих подданных, раздавленных грузом промышленных корпораций, папа Лев XIII напомнил о том, что именно государство должно нести ответственность за социальную и экономическую ситуацию в стране, воплощая принцип распределительной справедливости. Пий XI осуждал в своих энцикликах из-

лишнее вмешательство государства в дела объединений низшего порядка, подчеркивая его дополняющую роль. Иоанн XXIII, живший в послевоенную эпоху, делал акцент на способах вмешательства государства и его целях, то есть на вспомогательной его роли. Иоанн Павел II, ставший свидетелем стремительного распространения и возрастания влияния европейских демократических ценностей в мире, указывал на то, что высшей ценностью является человек, в котором он видел

активного субъекта государственного управления. При этом, независимо от того, в какое время тот или иной Папа Римский обращался к идее subsidiarности, основное ее требование оставалось неизменным: «...преступно было бы нарушать социальное равновесие, отбирая у объединений низшего порядка полномочия, которые они могут выполнять самостоятельно, используя доступные им средства, с тем, чтобы передать эти полномочия объединениям более высокого порядка» [9].

Литература

1. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Пер. с англ. — М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. — 448 с.
2. Нейхауз Р. Дж. Бизнес и Евангелие: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/14_n/eh/aus_3.html#39. — Загл. с экрана (26.04.2018).
3. Оноприенко Л.А. Принцип subsidiarности и его отражение в социальной доктрине Католической церкви // PolitBook. — 2014. — № 3. — С. 178–191.
4. John Paul II. Centesimus Annus: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/john_paulii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus_en.html. — Загл. с экрана (25.04.2018).
5. John XXIII. Mater et Magistra: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/john_xxiii/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater_en.html. — Загл. с экрана (24.04.2018).
6. John XXIII. Pacem in terris: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/john_xxiii/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem_fr.html. — Загл. с экрана (24.04.2018).
7. Lapointe B. Le Principe de subsidiarité sous l'éclairage de l'enseignement social de l'église: limitation ou extention des competences de la Communauté Européenne? // L'identité politique. — 1994: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.u-picardie.fr/labo/curapp/revues/root/33/benoit_lapointe.pdf. — Загл. с экрана (25.04.2018).
8. Leo XIII. Rerum Novarum: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/leo_xiii/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum_fr.html. — Загл. с экрана. (12.05.2018).
9. Pius XI. Quadragesimo Anno: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno_en.html. — Загл. с экрана. (12.05.2018).